

STELLA
GREY

ОБНАЖЕННОЕ

ПРОШЛОЕ

ТОЛЬКО ЖИВИ...

ИДДК

Стелла Грей
Обнаженное прошлое

«ИДДК»

2019

Грей С.

Обнаженное прошлое / С. Грей — «ИДДК», 2019

Я стою у двери человека, который бросил меня с ребенком десять лет назад. Боль от предательства давно ушла, но на смену ей пришло другое горе. Моя дочь больна, но есть один шанс, которым я хочу воспользоваться. И мне плевать, что думает об этом мой бывший.

Стелла Грей

Обнаженное прошлое

Все персонажи и описываемые события являются вымышленными.

Любое совпадение с реальными людьми или событиями, является случайностью.

Флакон со звоном слетел с полки и разлетелся на мелкие осколки.

Комната тут же наполнилась мускусно-древесным запахом с ноткой ванили.

Я вздохнула. Сразу стало горько и обидно. Любимые духи! Хоть и оставалось несколько капель, все равно жаль, вон как пахнет.

– Самойлова, ты меня слышишь?! – вернула в реальность Лариска своим бархатным контральто. – Я со стенкой разговариваю?

Я мотнула головой, чтобы отогнать подальше зарождающееся расстройство. Потом покосилась на телефон с включенной громкой связью и вздохнула.

– Слышу, Лар.

– Вот и слушай! – не унималась она. – Включись уже наконец-то! Мужчина в самом расцвете лет! Красивый, обеспеченный, работающий! Не испугался, что у тебя ребенок! Что тут думать-то?

Вот так всегда.

Лариска не успокоится, пока не выдаст меня замуж: зорко следит, чтобы я не пропускала свидания и добросовестно ходила с каждым, кто меня на них звал.

Выслушивая монолог подруги и коллеги на тему «У каждой женщины должен быть надежный мужчина», я быстро убрала осколки. При этом Лариска даже не заметила, что ей практически не отвечают.

– Аня, сама подумай, – продолжала она. – В наше время просто социальное бедствие: женщины, оставшиеся с детьми, и мужчины, которые этих детей принять не могут. А Эдик пригласил тебя на свидание со спокойной душой.

Я снова села за туалетный столик, продолжая наносить макияж. Самое страшное – стрелки. Идеально ровные и одинаковые они могут получиться, если ты владеешь твердой рукой и... искусством фотомонтажа.

Впрочем, если Эдика не устроит мой мейкап, я особо не расстроюсь.

Да, Лариска права целиком и полностью. Через два года мне исполнится тридцать, Дашке нужен отец, решать проблемы самой надоело... И вообще, я бы не отказалась просыпаться каждое утро с любимым мужем, а в конце рабочего дня снова засыпать у него под боком. Только вот...

При виде черноволосого смуглого Эдика с белозубой улыбкой внутри были покой и тишина, будто в безветренный день на озере. Я смотрела на него, оценивала мускулистое тело, красивые карие глаза, хорошие манеры и... оставалась каменной.

– Мам! – Дашка нарисовалась в дверном проеме. – Можно я возьму те новые краски, которые мы вчера купили? Хочу потренироваться перед завтрашним уроком.

Пропал ребенок. Но мои губы невольно улыбаются, когда Даша с горящими глазами скачет в магазине для дизайнеров, хендмейдеров и прочих рукоделов, а потом, прижимая к груди очередное сокровище, готовится к новому уроку в художественной школе.

– Бери, – шепнула и улыбнулась я.

Дочь бросила быстрый взгляд на телефон, прислушалась:

– Тетя Лара? – спросила одними губами.

Я кивнула. Ребенок покачал головой, задрал нос и удалился в свою комнату. В этом вся Дашка. Она совершенно уверена, что нам вдвоем замечательно, а от мальчишек вообще одни проблемы (от мужчин тоже).

– Ладно, я в тебя верю, – сообщила Лара и тут же притихла. – Кто там у тебя?

– Даша зашла, – вздохнула я, расчесывая золотистые волнистые волосы.

Вот уж настоящее богатство, всегда гордилась своей гривой и буду гордиться. Волосы всегда прекрасно выглядят даже после душа и без укладки.

– Передавай привет мелкой, – хмыкнула Лариска. – И не обращай внимания на ее рожицы. В конце концов, она сама повзрослеет и поймет, что мужик в доме – это благо. Все, давай держи меня в курсе, Джульетта!

Я несколько облегченно выдохнула, когда подруга отключилась. Переубедить Лариску нереально, а напоминать про два ее неудачных брака – опасно для жизни.

Быстро завершив макияж, я открыла шкаф и вытянула платье: песочное, со строгим силуэтом, эффектно подчеркивающим грудь и талию.

Пусть Эдик – не предел моих мечтаний, но он достоин того, чтобы смотреть на красивую женщину рядом. Меня несколько смущало, что он раздавал комплименты другим дамам с такой легкостью, словно вообще не напрягался. Дамский угодник? Вроде нет. Ловелас?

Застегнув молнию, я повертелась у зеркала и осталась довольна результатом.

Что ж, не стоит сразу подозревать Эдика во всех грехах. Любой мужик ошалевает, оказавшись в редакции женского журнала. Такой-то напор красоты...

Меня, правда, он выделил сразу. Хоть и не пойму почему.

Я подхватила сумочку и вышла из комнаты. Сейчас загляну к Дашке, велю не есть все конфеты вместо супа, который стоит на плите, и буду выходить.

Глянув на изящные наручные часики, я ахнула. Совсем заболталась! Опаздываю! Боже, как неудобно! Гнетущее чувство внутри, которое будто давило на сердце, почему-то становилось все сильнее. Может, не стоит идти? Позвонить Эдику, наврать что-нибудь о недомогании? Мы еще не столь близко знакомы, чтобы он примчался помогать. А так... Заодно будет время обо всем подумать и разложить по полочкам.

Я тряхнула кудрями. Так, Самойлова, не позорься. Это всего лишь мужчина, он тебя не съест. Да и свидание у нас первое, так что даже не понадумывает.

Грудь колесом, подбородок задрала и пошла!

Подходя к комнате Дашки, я услышала, как тихонько наигрывает этническая музыка. Надо же, совсем маленькая еще, а музыкальный вкус – как у меня в двадцать восемь.

Я открыла дверь и увидела на полу дочь, лежащую в странной позе.

С ног до головы обдало жаром, за горло схватили невидимые руки ужаса.

– Даша! – крикнула я и, оказавшись рядом с ней, рухнула на колени. – Даша, Дашенька!

...От запаха, царившего в больницах, у меня всегда болела голова. И вот сейчас, находясь в коридоре, который буквально слепил своей белизной, я кусала губы и бездумно смотрела в пол.

Не пустили. Дашка потеряла сознание, и у меня не получилось ее привести в чувство. Изначально паника захлестнула с головой, хотелось метаться по комнате и кричать. Но, слава богу, это лишь промелькнуло яркой картинкой перед внутренним взором, и я, вскочив на ноги, быстро вызвала скорую помощь.

Сердце колотилось как бешеное. Дочка выглядела такой бледной, такой худенькой... Боже, не зря соседка говорила, что ей не хватает витаминов. Что в школе слишком большая нагрузка, а ребенок постоянно бегает в художку.

Я даже не заметила, что всю дорогу в душной кабине машины сидела, сжимая в руках плюшевого сиреневого слоника, которого Дашка как-то прицепила на мои ключи. Слоники у нее были везде, постоянно.

– Нет зверя полезнее, чем слон, – любила Дашка заявлять с такой важностью, что каждый раз я с трудом сдерживала улыбку. – В Индии, например, это священное животное.

– Женщина, вам плохо? – поинтересовался молодой высокий врач.

Я невольно вздрогнула, только что осознав, что мне положили руку на плечо. Сделала судорожный выдох. Да, мне плохо. Плохо. Там за дверью что-то делают с моей дочерью, но меня не пускают. Сказали свое стеклянное: «Подождите тут, не нервничайте».

Легко им!

– Нет... порядок, – заторможенно ответила я, глядя в обеспокоенные серые глаза. – Просто переживаю за дочь.

Врач быстро кинул взгляд на указанную мною палату, потом кивнул:

– Хорошо. Если почувствуете что-то не так – не сидите. Ребенку нужна здоровая мать.

Я не успела ничего ответить – его отозвали. Но слова зажгли огонек надежды и аккумулялировали силы, которых еще несколько секунд назад не было.

Загнав подальше беспокойство, я выпрямила спину и машинально откинула волосы назад. И именно в это время выглянула медсестра и позвала:

– Анна Николаевна, зайдите, пожалуйста.

* * *

– И что же с Дашкой? – поинтересовалась Лариска, быстро растыкивая бумаги по папкам.

– Пока диагностировали вегетососудистую дистонию, – вздохнула я, вновь чувствуя, как внутри ворочается червячок угрызений.

Отвратительная мать, не досмотрела, не смогла. Вечно по уши в своей работе.

– Но будут ведь обследовать, верно? – уточнила подруга.

Папки с грохотом свалились со стола, Лариска чертыхнулась и принялась их собирать. Я присела рядом, помогая ей.

– Будут, – кивнула. – Сегодня должны сказать диагноз.

Вчерашний вечер хоть и заставил здорово понервничать, но как-то вот так сложилось, что врачи сумели заверить меня в том, что все будет хорошо. Ну... во всяком случае, что Дашке ничего не грозит.

Поэтому план созрел в мгновение ока: возьму справку, договорюсь в школе, подам заявление, и на недельку махнем на море. Да, сейчас только начало мая, но все равно очень тепло и... Для здоровья полезен сам морской воздух, не обязательно же плавать постоянно. А потом еще летом съездим.

Приободрившись, я позвонила дочери. Минут десять поболтали, она заверила меня, что все в порядке и чувствует себя прекрасно.

От сердца отлегло, и остаток дня я проработала со спокойной душой. Лариска убежала раньше: очередное свидание с горячим кавалером. Я только покачала головой, мысленно прикидывая, каких вкусняшек куплю после того, как заеду в больницу. Дашка будет рада до ужаса. Вот возьму ее любимого белого шоколада и йогуртов.

Окрыленная и в прекрасном настроении, я закрыла офис и быстро спустилась на парковку. Красная «мазда» сиротливо стояла одна. Да уж, не зря звание трудоголика ко мне прилипло намертво, ничего не поделать. Зато мы с дочкой ни в чем себе не отказываем!

Насвистывая бодрый мотивчик, я села за руль.

Небо затянуло тучами. Вспомнились прогнозы синоптиков: последние три дня обещали дождь, но он словно играл с людьми, только пугал, и так пока ни капли на землю не проронил. Ничего, скоро будем на юге, там – даже если прольется вода с неба – не страшно. Дождь и море – это так же прекрасно, как солнце и море. Вот чистая правда!

В этот раз я забежала в холл и тут же оказалась возле стойки регистратуры.

– Самойлова Дарья? – уточнили у меня.

– Да.

– Игорь Сергеевич вас ждет.

Вчерашний маршрут, знакомый кабинет. Меня попросили подождать немного. Я села с краешка на стул и задумчиво заскользила взглядом по окружающей обстановке. Дверь открылась, и появился врач... который интересовался вчера моим самочувствием. Удерживая в руках какие-то бумаги, он явно думал о чем-то своем, не очень радужном.

Как же я вчера была невнимательна: не сообразила, что вести нас с Дашкой будет именно он... Заметив меня, мужчина на мгновение замер, словно не ожидал увидеть, и тут же чуть нахмурился.

– Здравствуйте, Анна Николаевна.

– Добрый день, Игорь Сергеевич. Что скажете?

Он прошел на свое место, сел. Медленно отложил бумаги в сторону и посмотрел на меня. И сама не знаю почему, но по позвоночнику пробежал холодок. А еще стрелки белых часов, висевших на стене, вдруг стали тикать с оглушительной громкостью.

– Анна Николаевна... – начал он.

Я невольно вцепилась пальцами в сумочку, горло перехватило невидимым обручем.

– Боюсь, у вашей дочери лейкемия.

* * *

10 лет назад

– Аня, Аня! Сколько можно там сидеть? Уже начинается! – позвала меня Оля, на ходу глядя на себя в зеркало и быстро поправляя макияж.

Я так спешила на концерт, что забыла дома косметичку. В сумке оказался только печально завалившийся розовый блеск, который по недоразумению я купила в ларьке. Поэтому и тушь, и карандаш пришлось брать у Оли.

Ведь есть для кого! Она хочет понравиться Саше, а я – Антону. Понравиться еще больше. Так, чтобы не думали уже ни о ком.

Посмотрев на себя в зеркало, я приладила юбку серебристо-синего мини-платья и в который раз подумала, что смогу затмить всех! Со сцены доносилась музыка. Трехдневный фестиваль «Ночные звезды» проводился каждый год, и в этот раз нам удалось выбраться всей группой. В школе я могла о таком только мечтать.

Голова кружилась. От музыки, свободы, одновременно сладковатой и горькой слабоалкоголки в фигурных бутылочках, продававшейся буквально на каждом шагу.

Уже восемнадцать. Уже все можно. К тому же я знаю свою меру, никогда не шагну за грань.

Оля утянула меня ближе к толпе, туда, где басы проникают в самое сердце и стоять на месте просто не получалось. Мы с ней уже всю пританцовывали, выкрикивая знакомые строки известных песен местных групп. Людей становилось все больше и больше. Приходилось продвигаться вперед, чтобы случайно не ударить кого-то локтем.

В голове шумело, адреналин наполнял каждую клеточку тела.

– Что вы тут делаете? – шепнули мне на ухо, и сильные руки обняли меня со спины.

Кровь вспыхнула, огненным вьюнком промчалась по венам, сердце сладко сжалось. Этот хриловатый голос я бы узнала в любой толпе, отделив от миллионов других. А еще запах можжевельника. Антон пользуется каким-то парфюмом, в котором всегда чувствуется запах хвои.

– Музыку слушаем! – радостно взвизгнула Оля, тут же прижавшись к Саше.

Я ничего не ответила, не в силах отвести взгляда от синих глаз Антона. Вот пусть говорят, что не бывает синих глаз, но что они понимают, когда смотришь в глаза любимого человека и тонешь, забывая обо всем на свете?

У него мужественный подбородок, высокие скулы, прямой нос, бесконечно чувственные губы, черные как смоль ресницы. Волосы тоже черные, что делает его красоту экзотичной и притягательной.

Антон улыбнулся, склонился и прижался к моим губам. От его поцелуев перехватило дыхание, а от пальцев, вплетшихся в мои волосы, немного ослабели колени. Он всегда обнимает меня так сильно и крепко, что даже если возникает шальная мысль сбежать, то понимаешь: не выпустят, не дадут воли.

Он считает меня своей. Так прямо и говорит:

– Аня, ты только моя. А если кто решит иначе, познакомится с моим апперкотом.

И я ему верю. Антон занимается в спортивной секции. Каждый раз, когда он снимает футболку, я, затаив дыхание, люблю его роскошной фигурой.

И сейчас тоже, отвечая на поцелуй, положила руки на плечи, скользнула ладонями по спине, ощущая горячую кожу сквозь тонкую ткань майки.

– Ой, ну все! – подначил рядом Сашка. – Может, прямо здесь начнете?

– Пошли, – шепнул Антон, не дав мне возразить и, крепко взяв за руку, вывел из толпы.

– Куда мы идем? – спросила я уже после того, как мы изрядно удалились от сцены к берегу.

Здесь было тихо и безлюдно. Только накатывали мелкие волны на влажный песок.

Я сама не поняла, как оказалась прижата к стволу ивы и длинные ветви скрыли нас от посторонних глаз.

Поцелуи Антона сводили с ума, я не могла надышаться его разгоряченной кожей, дурманящим можжевельником и совсем чуть-чуть – табаком. Антон начал курить совсем недавно.

– Что... мы? – хрипло выдохнула я, глядя на него затуманенными от страсти глазами и видя, что его тоже повело от желания.

Молния моего платья тихо вжикнула, серебристо-синяя ткань упала к ногам.

– Ох, здесь? – только и смогла произнести я, чувствуя, что сердце колотится, как бешеное.

– Аня, ты хочешь? – Его ладонь накрыла мою грудь, с губ едва не сорвался стон.

Пусть это не так, как всегда представлялось в мечтах. Пусть рвет все шаблоны о приличии и границах.

– Да, – еле слышно выдохнула я. – Хочу. Сейчас.

В синих глазах Антона сверкнула молния. Меня бросило в жар.

– Моя, только моя, – обжег он мои губы, прижимаясь в неистовом поцелуе.

Его руки скользили по моему телу, находя самые чувствительные местечки, и ласкали так умело, что по всему телу шла дрожь предвкушения.

А когда он подхватил меня под бедра, то и вовсе ахнула и сдавленно застонала, чувствуя сильное мужское тело.

– Будешь только моей, Аня, – шепнул Антон, прихватывая губами мочку моего уха. – Никому и никогда тебя не отдам. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя... ах, люблю, – выдохнула я, теряясь под напором его ласк и подаваясь вперед, чтобы чувствовать, как плавится кожа на коже, как горят губы от шальных поцелуев, а тело содрогается от удовольствия при каждом проникновении.

– Люблю, люблю... – повторял он, словно сумасшедший.

Мои ногти впивались в его плечи, наутро обязательно останутся царапины. Но сейчас это неважно. Я вздрогнула от накрывшего чувства эйфории, на мгновение потеряла способность дышать и существовать.

Звезды вдруг оказались невероятно близко, а на душе стало жарко и сладко.

Я тоже тебя люблю. И буду только твоей.

* * *

Пошатываясь, я вышла из туалета. Слабость охватила все тело, во рту еще стоял привкус желчи и сырой воды.

– Ох, Ань... – Оля всплеснула руками, подлетела ко мне и тут же подхватила под локоть. – Пошли, пошли!

Я могла только передвигать ноги и медленно идти следом за подругой. Хорошо, что выходные: в общежитии мало народу, никто лишний раз не будет задавать вопросы.

– Ань, осторожнее, – сказала тихо Оля и ловко впихнула меня в нашу комнатку.

Добравшись до кровати, я шумно выдохнула и провела ладонью по взмокшему лбу. Так, главное, без паники. У всех это бывает. Ну или почти у всех. В этом нет ничего такого страшного. Да, будет тяжело, придется, наверно, взять академический отпуск. Но Антон... господи, мы же поругались два месяца назад!

И все это время демонстративно ходили по универу и делали вид, что друг друга не знаем. Он все пытался зажимать Аленку Шпалу из параллельной группы, но я потом от Сашки все равно узнала, что ничем хорошим у них не кончилось.

– Ты отравилась, что ли? – поинтересовалась подруга, присев рядом. – Вся белая как мел, что такое?

– Нет, Оля, – покачала я головой. – Это не отравление. Я... – Пришлось сглотнуть и набрать воздуха в грудь. – Я...

Глаза Ольки округлились, она тут же прижала руки к щекам.

– Ой, Анька, ты что... беременна?

Горло перехватило, я смогла только кивнуть. Не зря была задержка. И по утрам вот еда не лезет в горло – сразу бегу к унитазу. И вдруг проснулось желание есть оливки, которые никогда не любила.

Оля вскочила с кровати и заметалась по комнате. Но потом, заметив мой стеклянный взгляд, взяла себя в руки.

– Так, спокойно. Сейчас звоним Антону. Говоришь с ним. Надо помириться. Ребенок – это серьезно.

– Да, – немного заторможенно ответила я и взяла мобильный.

Жалко, что денег совсем мало. Однако я дозвонюсь. Потому что Оля права. Больше чем права. И ребенок – это очень серьезно.

Прошел час, второй. Абонент не может принять вызов.

Я хотела уже было написать на почту, но вдруг вспомнила, что он меняет адреса один за другим. А значит, лучше поговорить с глазу на глаз.

Время тянулось, будто резиновое, пока я собиралась. В голове царил сумбур. Одевшись и накрасившись, я выпила успокоительного. Посмотрела на себя в зеркало. Беременность сейчас не видна. Я красивая. Мы поговорим. Он все поймет, и... сможем помириться.

– Я с тобой иду, – заявила Оля. – Вдруг грохнешься еще там обморок от счастья.

– Только не пугай их, – чуть улыбнулась я.

– Кого? – фыркнула она. – Эту змею, его мамочку?

Я вздохнула. Зинаида Александровна и правда родилась в год змеи. А еще по характеру недалеко от нее ушла. Каждый раз, когда я замечала, что на меня смотрит эта женщина, становилось не по себе.

Один раз даже стала свидетелем, как она выговаривала Антону, думая, что я не слышу:

– И на что тебе эта голодранка? Ты только посмотри на нее. Да, личико хорошенькое. Но для крепкого брака одного личика недостаточно.

Тогда они с матерью даже повздорили, а мне было до слез обидно. Я даже прокусила до крови губу, но ничего не сказала – сдержалась.

На улице было жарко, даже не смотря на то, что уже пришел вечер.

Оля шла рядом и зорко следила за мной, готовая в любую минуту поддержать. Но, стоило нам оказаться возле дома Антона, как сердце тут же заныло. Так, спокойно, вдох-выдох. Не надо думать о том, что тенью висит нехорошее предчувствие. У меня все получится.

– Я тут подожду, – тихо сказала Оля. – Если что – кричи.

– Меня там не обидят, – произнесла я, немного удивленная ее словами. – Все получится.

Я поднялась по ступенькам и вошла в прохладный подъезд. Вот он, третий этаж. Чуть посторонилась, пропуская вежливую старушку с пуделем – соседку из квартиры напротив Антоновой.

Подойдя к знакомой до боли двери, я на мгновение замерла, прежде чем нажать кнопку звонка. Дышать стало сложнее, от волнения перехватило горло. Я сделала шумный выдох и нажала на кнопку звонка. Тут же раздалась соловьиная трель. Раздались шаги в коридоре. Нет, не Антон...

Дверь открылась, на пороге показалась Зинаида Александровна, даже в домашнем халате выглядящая так, будто собралась на прием к важным гостям. И кожа свежая, явно только что маску смыла. А взгляд такой, что хочется отшатнуться.

– Внезапно, – заявила она, даже не подумав поздороваться. – Что тебе понадобилось?

Вот так с порога, без лишних расшаркиваний.

– Здравствуйте, Зинаида Александровна, – сказала я, стиснув зубы. – Могу я поговорить с Антоном?

Она смерила меня презрительным взглядом, будто окатила ведром ледяной воды.

– Нельзя. Антон уехал в Германию делать предложение своей невесте, – с явным удовольствием произнесла Зинаида Александровна. – Возвращаться не будет. Не ищи его.

– Но... – начала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Как же... а адрес...

– Не дам я его адреса, незачем, – хмуро ответила она. – Послушай доброго совета: забудь о нем и найди себе кого-то уже по своему достатку. Не заглядывайся на богатых женихов – и не придется так больно падать.

Дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Пришлось опереться на стену, чтобы немного уложить услышанную информацию в голове.

Антон уехал к невесте...

Спустя секунду перед глазами все качнулось, и я потеряла сознание.

* * *

Доктор Игорь Сергеевич давно остался во вчерашнем дне. Как и огромные голубые глаза Дашки, которая спрашивала:

– Мам, ты чего? Вон телефон уронила и даже не обратила внимания. Что с тобой? Я уже лучше себя чувствую, не надо так бояться.

А я смотрела на нее, молча кусала нижнюю губу, совершенно не чувствуя боли, и понимала, что не могу ничего сказать.

В голове было пусто, будто на заброшенном берегу реки. Я мельком заметила свое отражение в зеркале: женщина-привидение. Слишком белые губы, слишком темные круги под глазами, слишком глубокий ужас в глазах, которые вдруг превратились в бездонные колодцы. И смотреть страшно, и отойти нельзя.

– Даш... – произнесла я не своим голосом, чувствуя, что горло словно сдавило стальной рукой. – Котенок, как ты себя чувствуешь?

– Намного лучше, – заверила она и еще посмотрела по сторонам, будто с моим появлением ожидала увидеть что-то другое. – Только я домой хочу.

Я невольно сжала платок, который держала в руках. Кажется, еще чуть-чуть – и ткань попросту вопьется в кожу, которая лопнет от напряжения.

Во рту почему-то стало солено, будто появилась кровь. Я сделала глубокий вдох, приказывая себе успокоиться. Нельзя, просто нельзя показывать, что ты нервничаешь и переживаешь. Тогда ребенок тоже будет сам не свой. А Дашке волноваться нельзя. Совсем нельзя, иначе...

Что именно иначе – я просто не знала. Кажется, такое случилось первый раз в жизни, когда я стояла возле дверей квартиры Антона Данишевского. А потом перед глазами потемнело. Я тогда потеряла сознание, но пришла в себя почти сразу же, потому что, падая, стукнулась о стену. Боль тут же привела в себя.

И сейчас... сейчас было точно так же. Только пока не было той боли, которая бы могла привести в себя.

– Даш, доктор сказал, что тебе надо побыть тут какое-то время. Кое-что обследуют, посмотрят на самочувствие. И только тогда смогут отпустить.

Я прекрасно понимала, что вру собственной дочери, но ничего не могла поделать. В голове совершенно не укладывался пазл, как и что сказать ребенку. Язык не поворачивался озвучить диагноз. И я знала, что буду говорить разное... что угодно, лишь бы не страшную правду, которую пока даже сама осознать не в состоянии.

Дашка нахмурилась, задумчиво посмотрела на меня. Маленький и уже совершенно самостоятельный человек, который умеет анализировать и делать выводы.

– А надолго? – деловито спросила она, отбросив в сторону даже намек на истерику. – Потому что у меня контрольная по математике на следующей неделе, Екатерина Васильевна сказала всем основательно подготовиться. А мне пятерка нужна.

Я с трудом сглотнула образовавшийся в горле комок. Кто бы мог подумать, что говорить правду окажется так сложно. Зато ложь будет сама слетать с губ, словно цветочные лепестки.

– Посмотрим, Даш. Я ей напишу, ты не переживай.

– Переживать? – чуть нахмурилась дочь. – Мам... а как же я тут? Останусь?

Я сразу испугалась, что ей не хочется оставаться одной. Да и мне не хотелось оставлять, но... Надо сейчас домой, собрать вещи, потом купить лекарства, потом... Ох, мамочки.

– Останешься. Но недолго, обещаю.

Эти слова звенели у меня в голове, когда я вышла из машины.

С неба срывался дождь. Было очень зябко и прохладно. Я обхватила себя руками и медленно направилась в сторону остановки. Сегодня я примчалась в больницу на такси, машина сейчас в ремонте.

Игорь Сергеевич сказал, что нужна пересадка костного мозга. Взяли клетки моего, но анализы... К сожалению, мгновенно результат не узнать. Поэтому нужно ждать. Только ждать.

Я боялась думать о том, что может быть, если мое Дашке не подойдет. Ни братьев, ни сестер у нее нет. Да и вряд ли когда-то будут...

Сердце кольнуло, я остановилась под прозрачным навесом, ожидая маршрутку.

Так, только не паниковать. Все будет хорошо. Обязательно будет!

Успев замерзнуть, я плюнула на маршрутку, которая потерялась где-то на просторах города, нарушая график прибытия, и спустилась в метро. Отсюда дольше добираться, но ничего страшного, зато не так холодно.

Спускаясь на эскалаторе, я скользила бездумным взглядом по рекламным щитам. В какой-то момент мелькнула надпись: «Новая искрометная комедия Антона Данишевского “Люблю до смерти!”». В главных ролях звезды отечественного кино: Вероника Белая, Евгения Андреева, Кирилл Форшмаков. Спонсоры...»

Дальше перечислялось, кто отдал деньги на фильм, чем там замечательна эта постановка и еще какая-то ерунда. Но я не могла поверить прочитанному.

Сердце пропускало удары и билось, будто только совсем недавно научилось это делать. Не может быть... Скорее всего, просто однофамильцы. Но совпадение такое...

Зайдя в нужный вагон, я все еще думала про афишу. Захотелось даже достать смартфон и поискать Антона Данишевского, чтобы убедиться, что режиссер этого фильма ни капли не похож на того Антона, из моей юности.

– Девушка, садитесь, – сказал мне импозантный мужчина с пронзительными янтарными глазами. – Вы еле на ногах стоите.

Я слабо улыбнулась:

– Благодарю.

Села на освободившееся место, подняла голову и поняла, что напротив висит афиша комедии режиссера Данишевского.

Поначалу не знала, куда деть глаза. Казалось, что смотреть на этот кусок бумаги, как ненормальная, просто незаконно. Того и гляди люди начнут коситься и крутить пальцем у виска.

Сама не знаю, что я хотела там увидеть. Имена актеров мне ничего не говорили. Вроде бы кого-то и видела, но настолько вскользь, что даже отпечатка в мозгу не осталось.

Украдкой взглянув на тех, кто находился рядом, я поняла, что мои страхи беспочвенны. Это всего лишь воспоминания о прошлом, щедро сдобренные стрессом. Кто читал, кто-то уткнулся в телефон, кто-то тихо переговаривался. Иногда только можно почувствовать, что мужчина с янтарными глазами заинтересованно поглядывает в мою сторону. Однако в моем состоянии было совсем не до него.

Я закусила губу, перед глазами проносились сцены из прошлого. Настолько далекого, что никогда бы не подумала, что могу это вспомнить. В шуме метро, холодноватом свете с потолка и тьме самых разнообразных запахов я видела парня, в которого была влюблена много лет назад.

Я прекрасно знала, что если провести ладонью по его крепкому плечу, то внутри разольется жар. Если склониться и вдохнуть его запах, то почувствую гель после бритья, парфюм и ментол. А если вдруг поднять голову, то можно просто утонуть в бездонно-синих глазах, которые могли соперничать с небом.

Сделав рваный выдох, поняла, что моя станция следующая. Поднялась, возле самых дверей неловко покачнулась. Меня подхватили под локоть. От прикосновения сильной руки я почувствовала, как волна смущения жаром прошла по телу.

– Осторожнее!

– Спасибо, – пробормотала я, не поднимая глаз, и тут же вышла.

Никаких мужчин сейчас. Мне не до отношений. А то, что есть ощущение, что мне продолжили смотреть в спину, так это ничего страшного. Совсем ничего.

Зазвонил телефон, я глянула на экран. Эдик... Боже, я совершенно о нем забыла. Надо взять трубку и что-то сказать. Но внутри словно появился барьер, который не пускал никого в душу. Сейчас там было место только для Даши. Больше туда никто не поместится.

Тут же забрезжила мысль, что на самом деле может быть еще один человек, который нужен, но я тут же ее прогнала.

Эдик отключился, и я с облегчением выдохнула. Лучше из дома уже напишу. Когда выпью успокоительное и немного приду в себя.

Спустя час я так и сделала, только вот все равно чувствовала вину. Будто обманываю человека. Эдик поговорил со мной, предложил помощь, но я отказалась. Мои клетки подойдут Даше. Обязательно подойдут. А там уже все решится. Если же нет...

На глаза сами навернулись слезы. Я поняла, что еще немного – и разревусь, как маленькая девочка, которая осталась совершенно одна на всем земном шаре.

Метнувшись в ванную, я умылась холодной водой и еще выпила успокоительное. Сейчас – спать. А завтра сообщат результаты. И будет все хорошо.

Утро началось с переписки с Дашкой. Она явно скучала и хотела домой.

– Дорогая моя, веди себя хорошо, – попыталась я включить строгую маму, правда, улыбка то и дело появлялась на губах. – И тогда нас обязательно отпустят раньше, чем обещали.

– Мне не нравится медсестра, – заявило мое чадо. – Она какая-то злая. А вот Игорь Сергеевич добрый, улыбается. И еще похвалил моих нарисованных слонов.

Я тихо вздохнула. Слонов, да. Даша, пожалуйста, продолжай думать о них, но только не задавай вопрос: «Мамочка, а что у меня за болезнь?» Я этого боялась до ужаса, хотя прекрасно понимала, что через какое-то время он прозвучит.

Потому после переписки с дочерью я прислонилась к стене, прикрыв глаза. Телефон прижала к груди, будто это могло заглушить бешеный стук сердца. С каждым часом казалось, что я приближаюсь к безбрежной пропасти, в которую если упасть, то больше никогда не выберешься.

Потом глянула на часы и в ужасе начала кидать вещи, собираясь на работу.

Завтрак был забыт, обед тоже пошел наперекосяк. Хорошо, что Лариска вовремя ухватила меня за шкирку и утянула в ближайшее кафе.

– Так, – хмуро сообщила она. – Ешь давай. Ишь чего удумала. Чтобы голова соображала, надо кидать в желудок пищу. На тебя и так больно смотреть, так ты еще голодом себя решила заморить.

Я послушно поела, но еда казалась безвкусным картоном.

Время тянулось, будто резиновое. Горло словно перехватили стальными пальцами. Я приказывала себе успокоиться, но ничего не выходило.

– Давай я поеду с тобой? – вдруг предложила Лариска. – Все равно сегодня не хочу ничего делать, Дашульку проведем вместе.

– Хорошо, – слабо улыбнулась я, искренне благодарная за поддержку. – Спасибо.

Только вот чем больше мы приближались к больнице, тем тревожнее было на душе. Будто интуиция сошла с ума и безостановочно посылала сигналы, от которых хотелось выть, словно волчица, потерявшая волчонка.

– Добрый вечер, – сказала я, увидев Игоря Сергеевича. – Как...

И прочла ответ в его глазах. В ушах тут же зашумела кровь, а воздух отказался проникать в легкие.

Пусть он еще ничего не сказал, но приговор был и так ясен.

– Ваши клетки не подходят, Анна Николаевна, – наконец-то вымолвил он. – Нам нужен другой донор.

В первые секунды я не поняла, о чем речь. Сказанное будто ударило о стеклянную стену, которая последнее время окружала меня со всех сторон. И со слухом все в порядке, но эмоции тормозят и просто не успевают.

Слишком много всего.

Я мотнула головой.

– Как не подходят? – спросила хриплым, словно не своим голосом.

Казалось бы, простое уточнение. Попытка понять, как такое может быть. Даша – моя дочь. Моя! Плоть от плоти, кровь от крови! Как может что-то не подойти?

Горло перехватило, дышать почему-то стало трудно.

– Анна Николаевна, так бывает, – тихо сказал врач. – Понимаете, случается, что...

Он пустился в объяснения, но сейчас мне было сложно воспринимать какую-то информацию. Слишком сложно и непонятно.

В серых глазах Игоря Сергеевича сочувствие. Где-то на краю сознания у меня мелькнула странная мысль: «Он действительно проникся моей бедой...» И в то же время я прекрасно понимаю: он – медик. Его работа лечить людей. Видеть смерть. И чувствовать боль, которая бешеной волной сшибает с ног, проникает в легкие и не дает спокойно дышать. Боль тех, кто никак не может помочь своим близким, но готов отдать за них жизнь.

Я сморгнула застлавшие глаза слезы. Вмиг стало как-то душно.

– Анна Николаевна, – снова прозвучал его голос, но я только и смогла, что вытереть слезы.

Игорь Сергеевич встал и через некоторое время поставил передо мной стакан с водой.

– Пейте, – сказал он не терпящим возражений тоном.

Я автоматически взяла стакан и осушила чуть ли не залпом. Рот вдруг обожгло, я закашлялась. Игорь Сергеевич подошел и осторожно постучал меня по спине.

– Что там было? – спросила я, снова утирая слезы.

– Несколько капель успокоительного, ничего дурного, – хмуро сказал он. – Простите, не успел предупредить, что не надо быстро все опрокидывать в себя.

Я шумно выдохнула через нос, глянула на свои руки и спросила, просто потому, что иначе не могла:

– И что теперь делать?

Я понимала, что ответа не будет. Что теперь с проблемой нужно бороться самостоятельно, но слабость взяла свое. Нелегко всегда быть стальной леди, когда идет речь о твоём собственном ребенке.

Но Игорь Сергеевич вдруг взял стул и сел напротив меня.

– Анна Николаевна, посмотрите на меня, пожалуйста.

От тона, которым он это сказал, я почему-то вздрогнула, собрала волю в кулак и взглянула на врача.

– Да?

– Не стоит опускать руки, – произнес Игорь Сергеевич. – Конечно, плохо, что ваши клетки не подошли, это осложняет ситуацию, но тем не менее не губит ее. У Даши есть родственники? Братья, сестры? В конце концов, отец?

Последнее слово заставило меня нахмуриться. Вот уж о ком не хотелось бы вспоминать, так о нем. Никогда.

Я закусила нижнюю губу. Да так, что боль привела в чувство.

– У нее нет братьев и сестер, – глухо сказала я.

В голове робко забрезжила мысль, что, может, есть контакты троюродного брата по материнской линии. Правда, мы давно не общались... очень давно.

Но сейчас и правда не время расклеиваться.

– Мы будем смотреть и у себя. Но, Анна Николаевна, с родственниками вариант намного вероятнее. Я не могу что-то гарантировать, хотя, сами понимаете, хочу. Очень хочу.

Из кабинета врача я выходила со звенящей головой и пустым взглядом. Зашла проведать Дашу. Пробыла у дочки недолго и все время сдерживала подступающие слезы. Лариска пошла со мной. Она то и дело бросала на меня взгляды с опаской, но ничего не говорила.

– Тетя Лара, смотрите, что я нарисовала, – теме временем заливалась хрустальным колокольчиком Даша. – Вот тут коты, целое семейство. А тут – сказочный город. Это нам Ирина Витальевна дала задание нарисовать, Оляка и Танька обзавидуются. Они так замок никогда не нарисуют!

Я слушала, улыбалась и кивала. Лариска болтала с дочкой, а у меня внутри все будто зазеленело. Только если раньше ледяное стекло было вокруг меня, то теперь появилось и внутри. Заменяло сердце и заморозило все внутренности. И только и оставалось, что улыбаться.

Даша не должна нервничать.

– Ну, мы пойдем, – сказала Лариска, избавив меня от надобности принимать решение самой.

Я обняла дочь, поцеловала ее, мимоходом вдохнув сладкий цветочный запах, исходивший от волос. Горло снова сдавило.

Когда мы шли по коридорам, я старалась смотреть прямо, уговаривая себя еще чуть-чуть пройти, еще совсем немного продержаться.

И только когда мы оказались на улице, все же не выдержала и разрыдалась. Лариса сразу ошалела, замерла на месте. А потом кинулась ко мне и сгребла в охапку.

– Ань, ты чего? Аня!

Вразумительно ответить не получилось, некоторое время слезы просто лились потоком.

– Что он тебе сказал, а? – не успокаивалась подруга, утаскивая меня на ближайшую лавочку, находящуюся за высокими пихтами, которыми засадили дворик возле больницы. – Все плохо?

– Плохо, – всхлипнула я. – Очень плохо...

И принялась рассказывать, сама сбиваясь и путаясь в фактах.

Лариса слушала молча, чем вызвала мою искреннюю благодарность. Потом открыла сумочка и протянула мне бумажные платки.

– Так, выговориться тебе надо было, – твердо сказала она. – Но вот расклеиваться не вздумай. Ты сейчас нужна Дашке как никогда. Никого другого у тебя нет. Потому будем сами кумекать. Анька, давай-ка будем разыскивать этого твоего родственника. Главное – не сдаваться.

Домой я пришла вся разбитая и с больной головой. Лариса здорово поддержала меня, но нельзя было сваливать все проблемы на нее. Нужно самой.

Я быстро разделась и пошла в душ. Холодная вода немного помогла прийти в себя. Не зря закаляюсь уже полгода.

Удручало, что ни к кому из родственников дозвониться не получилось: в ухо летели длинные унылые гудки. Немного радовало – не сообщали, что абонент не обслуживается. Значит, у меня есть шанс.

Немного воспрянув духом, я замоталась в полотенце и направилась на кухню. Желудок возвещал, что его пора кормить. Сделав на скорую руку яичницу с сыром, я поужинала. Намного легче не стало, но хоть что-то.

Снова взяла телефон и набрала номер далекого брата.

Гудки... Снова гудки...

Вздыхнув, молча уставилась на экран. Нет, у меня все получится. Обязательно.

Палец бездумно ткнул в иконку браузера, и тут же открылось окошко интернета. Мне сообщали о каком-то празднике цветастым дудлом. Внизу выстроился список новостей: «Бузова ошарашила поклонников», «Галкин женился на молодой», «Данишевский попал в грандиозный скандал».

Я уже было пролистнула всю эту ерунду, как вдруг дошло: Данишевский. Это... Антон? Закусив губу, отыскала нужную заметку. Так, где же она? Ага, вот!

«Известный режиссер Антон Данишевский поставил новую искрометную комедию “Люблю до смерти!”, которая начинается самым обычным скандалом в офисе. Главной героине приходится вытерпеть домогательства похотливого начальника и сбежать через окно. Назад она вернуться не может, и тут знакомится с харизматичным мужчиной...»

Я быстро прокрутила рассказ про сюжет, который мне был не нужен. И замерла, рассматривая фотографию.

Сердце пропустило удар. Тишина в квартире почему-то стала оглушающей. Даже звуки с улицы не доносились, хотя каждый вечер во двор высыпала детвора, которая шумела и галдела со всех сторон.

Антон Данишевский... Мой Антон, который десять лет назад сам отрекся от меня, бросив в одиночестве. Даже не попытался что-то объяснить. Просто исчез, оставив своим вещателем любимую мамочку.

Где-то внутри всколыхнулась обида, старая и горькая. Как ты мог... Я же тебя любила. Ты был первым моим мужчиной, первой любовью.

Я не хотела признаваться себе самой, но, вероятно, уже никого и никогда не буду любить так, как этого мерзавца. А он даже не изменился: не отрастил пивное брюшко, не осунулся, не полысел. Все так же полыхают синим пламенем глаза и улыбка вызывает дрожь. А еще возле него стоит какая-то роскошная баба с декольте. И улыбается так, мол, смотрите, сучки, это мой мужчина. Даже не смейте приближаться к нему!

Внутри вдруг все вспыхнуло от гнева. Ненавижу тебя, Данишевский... ненавижу!

Я с силой отшвырнула телефон, уронила голову на руки и заплакала.

...Плакать мне на следующий день пришлось не один раз. Каждая попытка дозвониться к родственникам становилась все нереальнее. Нервы натянулись, словно струны, вся работа пошла под откос. Даже начальница, увидев меня, только покачала головой и сказала идти домой.

Я сразу попыталась возразить, но потом поняла, что сегодня ни на что не способна. Поймав озабоченный взгляд Ларисы, только покачала головой, подхватила сумочку и, попрощавшись с девочками, выскочила из офиса.

Врач пока ничем не мог порадовать. И пусть он вроде бы говорил как обычно, но показалось, что даже в его дыхании слышен приговор. Даже не знаю, сколько раз со вчерашнего вечера я вбивала в поисковик «Антон Данишевский». И уже знала, сколько фильмов он снял, с кем встречался и с кем ссорился.

Я понимала, что это не выход. Но, кажется, иного пути просто не было. Потому села за руль своей машины и отправилась в центр города. Туда, где ходила сотни раз. Туда, где знала, как падает солнце на окна и что видно, если смотреть с детской площадки. Туда, куда поклялась не приходить никогда.

Он мог давно оттуда уехать. И скорее всего, так и было. Но я не могла сидеть сложа руки. Если есть даже крохотный шанс спасти Дашу – я это сделаю.

Дышать становилось с каждым разом все труднее. Вроде не так душно, и окно открыто, а голова идет кругом. Давление, что ли, подскочило?

Я остановилась и глянула на окно Антона. Горит свет – кто-то есть дома. Закусила губу и сделала рваный выдох. Соберись, Анна, тебе предстоит серьезный разговор.

Сжав виски пальцами, я попыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Все получится. Иначе и быть не может. Все, пошла!

Я вышла из машины, автоматически поставила на сигнализацию. Шмыгнула в подъезд вместе с каким-то подростком.

Нервы давали о себе знать. Меня шатало, будто пьяную, хотя я уже забыла, когда пила алкоголь. Пришлось даже опереться рукой о стену в какой-то момент, потому что голова шла кругом, а грудь будто сдавливали тисками.

Поднявшись на нужный этаж, я шагнула к знакомой до боли двери. Постояла, немного собираясь с духом, и нажала на звонок.

В последний момент пришло странное осознание, что тут живут другие люди. И сейчас откроет или полная дама, держащая за руку ребенка, или старушка, или прыщавый юнец. Кто угодно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.